

Эрнст Роберт
КУРЦИУС

ЕВРОПЕЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
И
ЛАТИНСКОЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Том I

Перевод с немецкого
Д. С. Колчигина

Издательский Дом ЯСК
Москва 2020

УДК 82.091
ББК 83.3(0)4
К 93

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект № 20-112-00031, не подлежит продаже

Курциус Эрнст Роберт

К 93 Европейская литература и латинское Средневековье. Т. I / Пер., коммент.
Д. С. Колчигина. Под ред. Ф. Б. Успенского. — М.: Издательский Дом ЯСК,
2020. — 560 с. — (Studia mediaevalia.)

ISBN 978-5-907290-47-1 (т. 1)

ISBN 978-5-907290-22-8

Эта книга — главный труд немецкого филолога-романиста Эрнста Роберта Курциуса (1886–1956): книга, повлиявшая на целый ряд филологических дисциплин (включая литературоведение и среднелатинскую филологию) и получившая международное признание вскоре после первой публикации (1948). Курциус демонстрирует принципиально новый подход к вопросу об истории европейской литературы и выводит ее константы из позднеантичных риторических практик; в книге введено понятие о «латинском Средневековье» как точке тяготения всеевропейской литературной преемственности и разработано учение о топосах как «хранилищах умозаключений», на примере которых можно объективизировать и конкретизировать понятие о гуманитарной традиции.

Книга Курциуса, в которой позитивизм сочетается с интуитивизмом, а глубина изложения — с ясностью стиля, — это одновременно и энциклопедический справочник по исторической топике, и важный документ непростой эпохи, и личное высказывание о вопросах гуманизма и европейства. В настоящем издании впервые представлен русский перевод этой знаменитой книги, выполненный по второму изданию, дополненному и пересмотренному (1953), снабженный подробным научным аппаратом (это первое комментированное издание «Европейской литературы и латинского Средневековья»): книга вписана в исторический контекст, представлена общая картина ее генезиса и рецепции.

В первый том входит основная часть книги (18 глав с авторским введением), а также предисловие С. А. Козлова к русскому изданию.

УДК 82.091
ББК 83.3(0)4

ISBN 978-5-907290-47-1

9 785907 290471 >

© Д. С. Колчигин (перевод на русский язык,
комментарии, научный аппарат), 2020

© С. А. Козлов (предисловие), 2020

© О. С. Воскобойников (составление серии
«Studia mediaevalia»), 2020

© Издательский Дом ЯСК, 2020

Содержание

О серии «Studia mediaevalia»	9
С. А. Козлов. Эрнст Роберт Курциус и его <i>opus magnum</i>	11
Европейская литература и латинское Средневековье	67
Руководящие принципы	71
Предисловие ко второму изданию	73
Из предисловия к первому изданию	76
Глава I. Европейская литература	77
Глава II. Латинское Средневековье	93
§ 1. Данте и античные поэты. — § 2. Античный и современный мир. — § 3. Средневековье. — § 4. Латинское Средневековье. — § 5. Романский мир	
Глава III. Литература и система образования	116
§ 1. Свободные искусства. — § 2. <i>Artes</i> и их понимание в Средние века. — § 3. Грамматика. — § 4. Англосаксонские и Каролингские исследования. — § 5. Школьные авторы. — § 6. Университеты. — § 7. Сентенции и <i>exempla</i>	
Глава IV. Риторика	147
§ 1. Оценка риторики. — § 2. Риторика в древности. — § 3. Система античной риторики. — § 4. Позднеримская античность. — § 5. Иероним. — § 6. Августин. — § 7. Кассиодор и Исидор. — § 8. <i>Ars dictaminis</i> . — § 9. Вибальд Корвейский и Иоанн Солсберийский. — § 10. Риторика, живопись, музыка	

Глава V. Топика	169
§ 1. Топика утешительной речи. — § 2. Историческая топика. — § 3. Показная скромность. — § 4. Топика введения. — § 5. Топика заключения. — § 6. Воззвание к природе. — § 7. Перевернутый мир. — § 8. Мальчик и старик. — § 9. Старуха и девочка	
Глава VI. Богиня Натура	203
§ 1. От Овидия к Клавдиану. — § 2. Бернард Сильвестр. — § 3. Содомия. — § 4. Алан Лилльский. — § 5. Эрос и мораль. — § 6. Роман о Розе	
Глава VII. Метафорика	230
§ 1. Метафоры мореплавания. — § 2. Метафоры с олицетворением. — § 3. Метафоры, связанные с едой. — § 4. Телесные метафоры. — § 5. Театральные метафоры	
Глава VIII. Поэзия и риторика	251
§ 1. Античная поэтика. — § 2. Поэзия и проза. — § 3. Система средневековых стилей. — § 4. Судебная, государственная и хвалебная речи в средневековой поэзии. — § 5. Топосы невыразимости. — § 6. Превосходство. — § 7. Прославление современников	
Глава IX. Герои и правители	278
§ 1. Героизм. — § 2. Гомеровские герои. — § 3. Вергилий. — § 4. Поздняя Античность и Средневековье. — § 5. Прославление правителей. — § 6. Оружие и наука. — § 7. Аристократия духа. — § 8. Красота	
Глава X. Идеальный пейзаж	297
§ 1. Экзотические фауна и флора. — § 2. Греческая поэзия. — § 3. Вергилий. — § 4. Риторические основы для описания природы. — § 5. Роща. — § 6. Прелестный уголок. — § 7. Эпический пейзаж	
Глава XI. Поэзия и философия	320
§ 1. Гомер и аллегория. — § 2. Стихотворчество и философия. — § 3. Философия в позднеязыческой Античности. — § 4. Философия и христианство	
Глава XII. Поэзия и теология	333
§ 1. Данте и Джованни дель Вирджилио. — § 2. Альбертино Муссато. — § 3. Самоистолкование у Данте. — § 4. Петрарка и Боккаччо	
Глава XIII. Музы	350

Глава XIV. Классика	371
§ 1. Жанры. Перечни авторов. — § 2. «Древние» и «новые». — § 3. Сложение церковных канонов. — § 4. Средневековый канон. — § 5. Сложение современного канона	
Глава XV. Маньеризм	401
§ 1. Классика и маньеризм. — § 2. Риторика и маньеризм. — § 3. Формальные маньеризмы. — § 4. Рекапитуляция. — § 5. Эпиграмма и острый стиль. — § 6. Бальтасар Грасиан	
Глава XVI. Книга как символ	440
§ 1. Гёте о тропике. — § 2. Греция. — § 3. Рим. — § 4. Библия. — § 5. Раннее Средневековье. — § 6. Высокое Средневековье. — § 7. Книга природы. — § 8. Данте. — § 9. Шекспир. — § 10. Западно-восточное	
Глава XVII. Данте	497
§ 1. Данте как классик. — § 2. Данте и латинская традиция. — § 3. «Комедия» и литературные жанры. — § 4. Образцовые фигуры в «Комедии». — § 5. Персонажи «Комедии». — § 6. Миф и пророчество. — § 7. Данте и Средневековье	
Глава XVIII. Эпилог	535
§ 1. Обзор. — § 2. Начала народноязычной литературы. — § 3. Дух и форма. — § 4. Преемственность. — § 5. Подражание и творение	

О серии «*Studia mediaevalia*»

Можно смело сказать, что книга, которую читатель держит в руках, сама по себе стоит серии, как Париж — мессы. О необходимости русского Курциуса в среде медиевистов, историков культуры и литературоведов говорится давно, как минимум несколько десятилетий. Однако всякий, кто брался читать его в оригинале, прекрасно понимал, что перевод «Европейской литературы и латинского Средневековья» — дело благородное, но предполагающее готовность к подвигу, причем не одноразовому, а рутинному, многомесячному. Поэтому появление этого — не побоюсь высокого слога — выдающегося перевода и стало поводом задуматься о серии.

Исследование Курциуса принадлежит к числу самых влиятельных в западной науке о словесности. Для медиевистики же оно важно тем, что показало на невероятно широком литературном материале то, чем европейская цивилизация обязана именно средневековой словесности, вовсе не только латинской, но и на всех основных новых языках. Медиевисты и их читатели по большей части априорно эту преэминентность признают. Но немногие читают Шекспира или Кальдерона с оглядкой на Августина, Отцов Церкви или даже Чосера. Данте читают, но немногие садятся за средневековых комментаторов, чтобы разобрататься в хитросплетениях его мысли и поворотах загробного пути.

Курциус совсем не прост для чтения, и он вовсе не про удовольствие от чтения добротной «монографии». Даже его современник, в чем-то похожий на него, а в чем-то совсем другой Эрих Ауэрбах как-то ближе и снисходительнее к читателю. Курциус не даст систематического знания о развитии средневековой литературы или культуры в целом. Он был в науке «аристократом» и писал в общем-то для таких же «аристократов». Писал во время и после Второй мировой войны, оглядываясь на руины канувшей в лету старой доброй Европы, его взрастившей. В какой-то степени получился реквием, в какой-то — культурный манифест, предупреждение. Но главное — в его книге есть метод чтения и изучения не самых простых текстов, метод, последовательно проведенный и продемонстрированный на сотнях примеров.

Книгу Курциуса более или менее вовремя перевели на основные европейские языки, включая, кстати, украинский. Однако у русского издания целый ряд преимуществ, которыми подготовившие его переводчик, автор предисловия и редактор могут заслуженно гордиться. Во-первых, фактически все цитаты

на десяти древних и новых языках переведены с оригинала. Во-вторых, издание сопровождается очень подробными комментариями Дмитрия Колчигина, составляющими едва ли не самостоятельное исследование по истории филологии. В-третьих, вы найдете очень живое и предельно ясное предисловие Сергея Козлова о жизни и творчестве Эрнста Роберта Курциуса. Нетрудно догадаться, что биография немецкого интеллектуала первой половины XX века, дружившего и враждовавшего, ссорившегося и мирившегося фактически со всеми знаменитостями своего времени, сама по себе заслуживает романа. Достаточно перечитать «Волшебную гору» и «Игру в бисер», чтобы понять, откуда взялась эта книга, *opus magnum* большого магистра.

Когда Федор Успенский дружески согласился открыть нашу серию вверенным его заботам Курциусом, я воспринял это как творческий вызов всему предприятую. Поставленная планка очень высока. Веря в свои силы и в аппетит читателей, мы планируем следующими нашими публикациями, что называется, продолжить дело Курциуса: показать нам, нынешним, себя — давешних. Это, как говорил Ясперс, избавит нас от притязаний на исключительность. Мы будем вместе искать наши средневековые истоки. Вы увидите книги о различных аспектах средневековой культуры, как словесной, так и визуальной. Если небо будет к нам милостиво, мы надеемся в должной мере сочетать переводы средневековых литературных памятников, новые исследования и классические работы о средневековой литературе. В ближайшем будущем мы ждем Эриха Ауэрбаха, Вальтера Бершина и Лео Шпитцера. Мы будем рады современным работам коллег из цеха медиевистов. Но подумываем и о новом разговоре о Данте...

В заключение хотелось бы поблагодарить издательство за приглашение организовать серию изданий по средневековой литературе и за согласие включить в нее готовящиеся к печати переводы Эрнста Роберта Курциуса и Эриха Ауэрбаха.

Составитель серии «Studia mediaevalia»
Олег Воскобойников

С. Л. Козлов

Эрнст Роберт Курциус и его *opus magnum*

Среди западноевропейских филологических работ прошлого есть два обобщающих труда, прочно удерживающих статус гуманитарной классики. Эти два труда неизменно присутствуют в текущем обиходе гуманитарных наук и регулярно переиздаются на разных языках. Эти два труда были написаны двумя немецкими учеными, коллегами по своей исходной специальности (романская филология), практически в одно и то же время — в 40-х гг. XX в. Оба труда посвящены истории литературы, но называть их «литературоведческими» было бы неправильно; правильнее будет называть их «филологическими» — по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, сами авторы называли себя филологами и определяли себя через дисциплинарную отсылку не к «литературоведению» (*Literaturwissenschaft*), а к «филологии» (*Philologie*). Во-вторых, сам подход к материалу, применяемый авторами в этих трудах, противоречит рабочим принципам «литературоведения» как академической дисциплины, сложившейся в Германии во второй половине XIX в. Эти два труда — книга Эриха Ауэрбаха «Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе» (1946) и книга Эрнста Роберта Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948) (далее — *ЕЛАС*)¹.

На русском языке судьба этих двух книг сложилась неодинаково. Судьба «Мимесиса» оказалась внешне сравнительно благополучной: русский перевод

¹ Автор выражает глубокую благодарность Николаю Бальзамо, Михаилу Велижеву, Алле Койтен-Троицкой, Кириллу Левинсону, Михаилу Маяцкому и Елене Орловской-Бальзамо за их щедрую помощь в работе над этой статьей.

Касательно непреходящего до сих пор успеха *ЕЛАС* ср., в частности, выразительную характеристику Яна М. Зиолковского: «Даже когда над гуманитарными дисциплинами Северной Америки в 1970–1980-х годах пронесли ураганы литературной теории и методологофилии, *ЕЛАС* продолжала оставаться хранилищем мысли, мудрости и знания, которое авторы ученых статей не переставали посещать — или, по крайней мере, на которое не переставали ссылаться. Действительно, эта книга — не просто одна из многих работ по Средневековью, но единственная работа о раннем историко-культурном периоде (при частичном исключении бахтинского “Рабле”), которая вошла в список 50 наиболее часто цитируемых книг XX века, составленный по “Индексу цитирования искусств и гуманитарных наук [Arts & Humanities Citation Index]”» [Ziolkowski 1997: 149].

этой книги вышел в 1976 г. [Ауэрбах 1976]. (Другой вопрос, что рецепцию этой книги в отечественной науке вряд ли можно было — вплоть до последнего времени — назвать сколько-нибудь заметной; но это тема для отдельного обсуждения.) Что же касается книги «Европейская литература и латинское Средневековье», то она приходит к русскому читателю лишь сейчас — через семьдесят с лишним лет после своего появления на немецком языке и через сорок с лишним лет после русского издания книги Ауэрбаха. Автору настоящего предисловия приходилось неоднократно слышать в разные годы lamentации отечественных филологов: «Когда же у нас издадут Курциуса». Сегодня, наконец, эта мечта русских филологов исполняется.

Между Курциусом и Ауэрбахом было много сходств и много различий. Одно из важнейших различий состояло в том, что Ауэрбах был чисто академическим ученым, и его биография, если не считать нескольких переломных вех, была небогата внешними событиями; публичная жизнь Ауэрбаха сводилась к его профессиональной деятельности — преподаванию и участию в научных конференциях. В отличие от Ауэрбаха, Курциус был не только академическим ученым, но и публичным интеллектуалом, глубоко и активно вовлеченным в идеологические дискуссии своего времени. Эту сильнейшую вовлеченность Курциус сохранял на протяжении первой половины своей взрослой жизни — до 1933 г. (После крушения нацизма контакты Курциуса с внешним миром постепенно возобновились.) Это делает биографию Курциуса чрезвычайно насыщенной встречами, диалогами, полемиками с широким кругом деятелей европейской культуры. Эта же вовлеченность в актуальные культурные споры заставляла Курциуса постоянно выходить в своем творчестве за рамки академической науки. Значительную часть творчества Курциуса составляют эссе на культурные и литературные темы, а также газетно-журнальные отклики на новости интеллектуальной жизни. Без внимания к этой стороне биографии и творчества Курциуса невозможно до конца понять пафос, подтексты и сверхзадачи его профессиональной работы вообще и его главной книги в частности.

I. Идеологические контексты биографии

Семья

Эрнст Роберт Курциус родился 14 апреля 1886 г. в эльзасском городе Танн, в семье чиновника Фридриха Курциуса (1851–1933) и его жены Луизы, урожденной графини фон Эрлах-Хиндельбанк (1857–1919). Семья стала первым и решающим фактором в формировании ценностных установок будущего ученого. Современная социология образования рассматривает «наследников» как специфическую группу, занимающую особое место в процессе воспроизводства элит [Bourdieu, Passeron 1964]. Курциус принадлежал к этой группе по объективным

показателям, но его роль наследника не сводилась к объективным показателям: наследничество составляло духовную основу его личности. Его самоутверждение строилось не на отталкивании от семейной среды, а на осознанном приятии и культивировании глубокой преемственности по отношению к семье и роду.

В декабре 1911 г. Курциус в письме к своей *Vonne-maman* (так он именовал бабушку по материнской линии) рассказывал о споре, случившемся между ним и его знакомой Лили Клемен:

Она стала упрекать меня в том, что я горжусь моими <...> предками. Нельзя гордиться тем, чего не приобрел сам. Но я ей ответил, что для меня, совершенно напротив, в этом наследии — сила. Что я не погружаюсь в гордыню, никогда не кичусь своим происхождением, но что, безусловно, я очень-очень им горжусь и пусть она не питает на этот счет ни малейших сомнений (цит. по [Jacquemard-de Gemeaux 1998: 35]).

Отец Курциуса² был отпрыском протестантского семейства из Любека. С XVIII в. Курциусы принадлежали к числу видных родов крупной любекской буржуазии³. В роду любекских Курциусов насчитывалось много юристов и университетских профессоров. Отцом Фридриха — и, соответственно, дедом Эрнста Роберта — был знаменитый историк Античности Эрнст Курциус, руководитель раскопок в Олимпии (в память об этом одна из сестер Эрнста Роберта получила имя Олимпия). Эрнст Курциус был также известен своей «Историей Греции» — высококачественным обобщающим трудом, который пользовался большим успехом у публики, но в силу своего популяризаторского характера вызывал нарекания у части академического истеблишмента. Некоторые исследователи [Evans Jr 1970; Bercini 2018] подчеркивают, что это раздражение университетской профессуры на Курциуса-деда очень напоминает ту реакцию, которую книги Курциуса-внука, посвященные новейшей французской литературе и рассчитанные на широкую публику, станут вызывать у его университетских коллег-романистов в 1920-е гг. Важно подчеркнуть и еще одну деталь: Эрнст Курциус был наставником прусского принца Фридриха: их сохранившаяся переписка свидетельствует о глубокой взаимной привязанности. Фридрих Курциус получил имя в честь принца Фридриха: более того, принц стал его крестным отцом — редчайшая привилегия, которую член королевской фамилии даровал лицу небогородного звания. Принц Фридрих был надеждой всех либеральных сил Германии и Европы, но этой надежде, как известно, не суждено было осуществиться: Фридрих взошел на императорский престол в марте 1888 г., а уже

² В биографической справке об отце Курциуса использованы материалы статей [EA 1983] и [Bercini 2018].

³ Сведения о роде любекских Курциусов см. в [Evans Jr 1970: 85–86].

в июне того же года умер от рака. Есть все основания полагать, что, если бы Фридрих III остался на престоле надолго, его крестника Фридриха Курциуса ждала бы гораздо более блестящая будущность.

Фридрих Курциус изучал право и теологию в Гёттингене, Берлине и Гейдельберге; затем, завершив высшее образование, он поступил на работу в государственную администрацию. В 1877 г. он переехал на постоянное жительство в Эльзас и с 1878 г. начал здесь свою чиновничью службу. В 1884 г. он был назначен на пост директора района (*Kreisdirektor*)⁴ в Танне, в 1898 г. — на такой же пост в Кольмаре и в 1901 г. — на такой же пост в Страсбурге. Как и многие молодые немецкие либералы, переселившиеся в те годы в Эльзас-Лотарингию, Фридрих Курциус видел свою задачу в том, чтобы содействовать устройению немецкой нации на новых, демократических началах. Но очень быстро его либеральные устремления вступили в конфликт с жесткой авторитарно-шовинистической политикой, проводившейся рейхом в Эльзасе. Курциус настаивал на введении всеобщего голосования. Он возражал против проводимого штатгальтером (губернатором) Мантейфелем курса на преимущественный альянс с эльзасскими нотаблями и высказывался за альянс с народными массами, чтобы подавить протестное движение местной буржуазии, которая считалась франкофильской. После забастовки 1888 г. в Мюлузе, которая оказалась прелюдией к широкому забастовочному движению 1890 г., Фридрих Курциус стал бороться за создание большой современной либеральной партии. Эта партия, по его замыслу, должна была позволить вывести трудящиеся массы как из-под влияния социал-демократии, так и из-под влияния католической церкви. По мысли Курциуса, демократизация политической жизни должна была стать главным фактором, обеспечивающим интеграцию Эльзаса в состав немецкой нации.

В 1903 г. Курциус вышел на пенсию. По окончании административной карьеры он перешел на церковную службу: в 1903 г. стал председателем дирекции церковью Аугсбургского исповедания в Эльзас-Лотарингии, а в 1905 г. был к тому же избран председателем лютеранской обер-консистории. В качестве председателя обер-консистории он стал в 1911 г. членом тайного совета административного округа Эльзас-Лотарингия. В церковной жизни, как и на государственной службе, Курциус упорно проводил либеральную политику. Он работал над реформой конкордата, призванной освободить церковь от влияния государства. Курциус считал, что основой церкви должен являться приход и что церковь должна быть в состоянии функционировать совершенно автономно от государства. Среди печатных работ Фридриха Курциуса обращают на себя внимание публикации по «женскому вопросу»: «За права женщин в Церкви»

⁴ Должность директора района соответствовала посту субпрефекта во французской административной иерархии.

(*Deutsche Rundschau*, 1899, No. 10, 25–33) и отдельная брошюра под тем же названием (Berlin, 1910).

В 1906 г. Фридрих Курциус в качестве соредатора участвовал в издании мемуаров бывшего эльзасско-лотарингского штатгальтера Хлодвига цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрста. В мемуарах сообщались обстоятельства удаления Отто фон Бисмарка с поста канцлера. Это вызвало ярость императора, консерваторов и национал-либералов; Курциуса стали обвинять в разглашении государственной тайны. Вильгельм II потребовал от действующего эльзасско-лотарингского штатгальтера уволить Курциуса с поста председателя консистории. Но в защиту Курциуса выступил его друг Альберт Швейцер: он возглавил движение в поддержку Курциуса, состоявшее из членов консистории и рядовых эльзасских пасторов. Сила их поддержки оказалась такова, что штатгальтер предпочел оставить императорское требование без последствий.

К этому времени взгляд Фридриха Курциуса на будущее Германии и на возможность эффективно послужить стране стал уже вполне безнадежным. 20 октября 1906 г. он писал сыну из Страсбурга: «Убожество сервилизма, проявившееся в Германии по этому поводу, настолько чудовищно, что я часто думаю о том, чтобы переселиться в Швейцарию вместе со всей семьей. Свободолюбивое немецкое бюргерство кажется теперь недостижимой целью» (цит. по [Jaquetard-de Gemeaux 1998: 40, note 84]). Точно так же и Эрнст Роберт Курциус в годы нацизма станет мечтать о переезде в Швейцарию (см. [Dröge 1995b]) — но ни мечте отца, ни мечте сына не суждено было осуществиться.

Однако противостояние Курциуса-старшего официальному Берлину продолжалось. В 1912 г., когда была создана Эльзасская партия прогресса, Курциус был избран членом правления партии. Накануне Первой мировой войны, в статье «Германия и Эльзас-Лотарингия» (*Frankfurter Zeitung*, 12.04.1914), Курциус дал чрезвычайно мрачную итоговую оценку эльзасской политики рейха. Он подчеркнул неспособность германской буржуазии эмансипироваться от милитаризма. По мнению Курциуса, германская политика по отношению к Эльзасу не смогла учесть специфическую ситуацию в Эльзасе и в итоге рискует завершиться таким же поражением, как борьба с церковью и борьба с социал-демократией.

Заключительный конфликт Фридриха Курциуса с германскими властями произошел в том же 1914 г. Сразу после начала войны немецкое военное командование в Эльзасе наложило запрет на использование французского языка при произнесении проповедей в протестантских приходах Страсбурга и других приграничных городов. Курциус отказался выполнять этот приказ и в знак протеста в сентябре 1914 г. подал в отставку со всех своих постов. В 1919 г. он переехал вместе с семьей в Гейдельберг, где и умер в мае 1933 г. — через три месяца после назначения Гитлера рейхсканцлером. «Вместе с ним умирает идеалистическая Германия», — написал Эрнст Роберт Курциус своему французскому другу Шарлю Дюбо (цит. по [Dröge 1995a: 213]).